

М. Шильман

СОБЫТИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ: ПОПЫТКА РАЗВЕДЕНИЯ ПОНЯТИЙ

Ответом на вопрос о "факте" словарная статья отсылает к латинскому оригиналу, предупреждая, что в обычном смысле слова факт выступает синонимом таких понятий как "истина", "событие" и "результат", а также сопрягается с доказанной достоверностью и предложением, фиксирующим некое знание. Но если понятие факта как фиксатора и результата вытекает из его исконного значения как законченного, свершившегося, сделанного (*factum*), а истинность - из логической невозможности "ложного факта", то синонимичность факта и события предельно провокационна. И все же, как показывает множество примеров, взаимозаменяемость факта и события - обычай не только разговорного языка, но и языка исторической науки.

Рассуждение Коллингвуда ("The Idea of History"), гласит: "историк не является очевидцем фактов, которые он хочет познать" и "историк не познает прошлое... полагаясь на свидетельство очевидца, видевшего данное событие". Познание прошлого как прошедших событий понимается как познание фактов; очевидец события *или* факта - одно и то же лицо, могущее сообщить о бывшем "положении дел".

Бродель ("Histoire et sciences sociales. La longue durée") также легко производит уравнивание фактов и событий; давая определение прошлого, которое есть "масса мелких фактов", он завершает мысль, оперируя "массой незначительных событий".

Заключения Гемпеля ("Reasons and Covering Laws in Historical Explanation"), касающиеся определения индивидуальности и конкретности в отношении событий и фактов таковы, что в них факт используется как синоним события, или же событие полагается как разновидность факта.

В каждом примере мы сталкиваемся со слиянием понятий, нормируемым и правилами словоупотребления, и практикой научного языка. Даже при переводе "событие" никогда не предстает как "факт", но "факт" может быть передан как "событие". "Направленность" примыкания факта к событию, а не наоборот выдает вполне понятное желание связать - вплоть до совмещения - искомое и наличное.

1.

Сближение факта с событием позволяет смешивать их употребление в наиболее благоприятной для исторического изложения "пропорции". Однако каким образом удостоверение/фиксация факта события может быть ассоциировано в само событие? Ключевую роль тут играет усмотрение в факте сущности события, видение факта как "говорящего по существу" и сущностно от события не отличающегося.

Основание позиции, сводящей воедино событие и факт, кроется в полагании присущности факта - событию, (со)хранения в самом факте информации об обстоятельствах произошедшего события; при этом проблема извлечения информации переводится в плоскость применения различных выявляющих методов. Все это возможно лишь без потери "главного" - безусловного обладания фактом каким-то содержанием и того, что сам факт управляем, препарлируем, интерпретируем и познаваем. Реализация такой позиции в исторических исследованиях в значительной степени фундирована гегелевской философией, определяющей прошедшее как снятое бытие. Созерцание, которым обладает дух, вспоминая себя в своем созерцании, в духе снято как прошедшее, но оно "не *исчезло*, не есть *только прошедшее*" [1, 3, с. 280]. То, что виделось, не есть только то, что имелось, но и - ввиду отсутствия разрыва связности при снятии - продолжает иметься как нечто наличествующее, т.е. длящееся. Тем самым со(за)вершенность факта как "результата" (*factum*) не есть обрыв дления события и прекращение действия всех его факторов; факт остается точкой на линии, но не точкой разрыва/прерывности этой длящейся линии. Прошедшее, которое *уже* стало резюмирующим окончание события фактом, "взятое в своей непосредственности прошло, но... оно еще сохраняется в духе" [там же], т.е. *еще* продолжает длиться "за счет" охраняющей "непроходимости" события в духе.

В таком случае факт никак не может выступать завершающим пунктом события, конечной станцией его при-бытия; играя в непрекращающееся (про)дление он способен исполнить лишь роль остановки в пути, суб-станции. Момент окончательной остановки означал бы полное прохождение, "за которым" возникает фигура изолированной единичности факта, ускользающего от самой возможности познания.

Прошедшее представляло бы собой множество сингулярных "точек", оставленных духом; однако, дух, ничего не оставляя, сохраняет все в себе. Именно поэтому Гегель отмечает ("Основы философии права", §187), что "факты, кажущиеся [102] рассеянными и лишенными всякой мысли, управляются необходимостью", и тем находит управу на единичности в подчиненности их безостановочному длению.

Не складывается ли в результате ситуация, согласно которой то, что по определению должно знаменовать завершение, окончание процесса, - т.е. факт - в одночасье не может "избавиться" от безостановочного дления, остановку которого он должен отмечать? Как ни странно, но в итоговом росчерке factum'a непременно усматривается действующий factor. Подобная странность коренится в стирании грани между фактами и событиями, разнствующими в латинском варианте как factae и gestae. Событие в значении дления/вынашивания восходит к Гестии/Весте, мировому очагу бытия, движущееся/длящееся полымя/полыхание которого осуществляет идеальное движение, по образу которого происходит (осуществляется) и движение вещей. Как вещь факт оказывается содержащим нечто необходимое, присущее идеальному; он не становится пустой точкой, но находится в виду идеи. Мы намерены показать, что совмещение события и факта шло именно по этому пути: на стыке платоновской мысли и понятийного аппарата послекантовской немецкой философии.

Рассмотрим "вещь", используемую Платоном. Вещь, в отличие от идеи, изменчива, нестабильна, т.е. текуча, вещь движущаяся; Платон употребляет $\chi\rho\eta\mu\alpha$ для обозначения вещи, используя в данном случае коренную связь с событийным течением/протеканием вообще ($\rho\epsilon\iota\nu$), поясняя, что "существующее" означает "шествующее" ("Кратил", 421bc). Остановка в данном пункте означала бы повторение гераклитовской позиции, но Платон идет дальше: перечисляя ряд имен (присвоенных слов) он отмечает, что имена - в том числе "разумение", "мышление", "познание" - таковы, потому что "все вещи несутся, текут и испытывают постоянное становление" [2, с. 646]. Таким же образом им укореняется "собирательная" и "разумная" общность понятия течения/протекания, распространяющаяся на пользование словами ($\epsilon\rho\epsilon\iota\nu$), речь ($\lambda\epsilon\upsilon\epsilon\iota\nu$) и логос. В определении самой "вещи" сходятся ее определители. Это упомянутая $\chi\rho\eta\mu\alpha$, отражающая связь вещи с веч-

ным возникновением и течением сущего, и пра́вца - вещь как нечто непосредственно употребляемое, пригодное для использования. Тем самым в вещи происходит со-вмещение "свойств" идеи и качества практической пригодности; любая вещь перестает казаться "голой" и неотрывно сопряжена с идеей и идеальным движением. Вещи даруется со-бытие, некая форма "практического" бытия в вещном мире.

Латинский вариант определения события и факта уже предполагает их как вещи (*res*), имея в виду их суть. Тем самым выстраивается основание их познаваемости и сущности; в "Критике способности суждения" Кант относит факты как познаваемое (*scibile*) к познаваемым вещам, однако именно для фактов отмечает "исключение из правил". Смысл его в том, что "среди фактов имеется даже одна идея разума... идея свободы, реальность которой как особого вида каузальности... [обнаруживается] в действующих поступках, стало быть в опыте" [3, с. 507]. В результате невозможность прямого сведения "воедино" *res gestae* и *res facti* разрешается допущением для фактов, не имеющих способа быть подтвержденными непосредственно опытным путем, обрести емкость и действенность в причинных отношениях с идеей, доказываемых законами чистого разума. Отнесение же объектов истории к фактам [там же, с. 508] вкупе с констатацией того, что только предметы чистого разума могут быть предметами веры = идеями = понятиями, подвешивает исторический факт в зазоре между объектом возможного познания (вещью) и идеей.

Разница между тем, что есть "событие" и что - "факт" игнорируется под сенью познаваемости и в присутствии угрозы столкнуться с фактом без наполнения, никаким фактом. Всегда остается возможность за пределами степени доказуемости фактов оговорить неисключаемую важность факта самого по себе, признавая наличие чего-то стоящего за фактом, пусть даже невидимого, непонятого или до поры не извлекаемого. Тогда следует выяснить, где располагается исходная "точка преткновения", позволяющая смешение законченного и длящегося, факта и события так, что за фиксированным и единичным можно предполагать какое-то дление и сжатую в понятии множественность, дающую надежду на извлечение информации.

Для решения этого вопроса необходимо привлечь этимологические резервы и, прежде всего, отметить следующее: немецкая философская мысль XIX века не ин-

корпорировала в свой словарь латинское написание факта, но опредетила факт, введя в употребление факт как *Tatsache*. В таком виде сам факт стал составным, объединив действие, дело, поступок (*Tat*) с предметом, вещью, принадлежностью (*Sache*). В отличие от Канта, использовавшего латинское написание, Гегель уже оперирует "родным" термином, что позволяет ему получить "дополнительное" подтверждение органической связи между действием/длением и предметом/вещью. Предмет по всем правилам (в том числе и правилам грамматики) определяется действием как принадлежность действию; также прошедшее определяется всегда настоящим движением духа, сохраняясь в нем и принадлежа ему; также - продолжая эту логику - факт определяется событием и ему принадлежит, т.е. событие как со-бытие выступает управляющей необходимостью для факта. В таком виде факт и событие сущностно уравниваются; факт как некоторая остановка/суб-станция события превращается не в со-стояние события, а в предмет состояния со-бытия (содействия со-бытию) и этот предмет "субстанциально определен".

Факты становятся пожитками событий как сохраняющие свою действенность, т.е. не лишаящиеся мысли, разумные; они не ставят опустошительной точки длению. Каждый факт как предмет (*Sache*), имеющий со-хранение, хрон в духе, "есть некое самостоятельное для себя содержание" [1, 1, с. 326]. Сохранение и устранение в одночасье - снятие бытия - позволяет использовать факт и как конструктивную единицу, отстраненную от текущего процесса, и как источник информации о процессе в принципе. Абсолютная субстанция играет роль субстанциального определителя факта, события, вещи, предмета, водружая над всем примат целого. Безусловно, конкретность каждого факта, пусть даже и связанного непосредственно с событием и упакованного в духе, способствует некоторой изоляции, отстранению его от целого для проявления своей отличительности. Но это не означает разрыва связи с целым, позволяющего появление единичностей "самих по себе", не обладающих содержанием, т.е. "голых" координаций/мест с потенцией вмещения смыслов в пустоту себя. Полнота каждого факта даже в его конкретности определена духом; потому относительно форм изоляции от целого Гегель отмечает условие их существования - чтобы они "не укоренились и не укрепились в этом изолировании, благодаря чему

целое могло бы распасться и дух улетучился бы" [4, с. 241]. Исходя из этого условия, любая потенциальная сингулярность (факт) может быть лишь содержащейся в духе и таким образом содержащей информацию о содержании события.

Подходя к вопросу о том что позволило относить "факт" к "вещам", следует осесть: игнорирование различия между "предметом" и "вещью" мы допускаем лишь в аспекте их сопряжения с ддящимся действием, (практическим) делом. К тому нас подталкивает две причины. Во-первых, это синонимичное и понятийное "пересечение" Sache и Ding в плоскости непосредственной связи их с неоконченным делом и причастности обстоятельствам последнего. Во-вторых, - аналогичная ситуация, создаваемая Платоном и продолжаемая Аристотелем. "Вещь" у Платона - $\chi\rho\eta\mu\alpha$ или $\pi\rho\alpha\upsilon\mu\alpha$, но и "предмет" есть какая-то вещь ($\pi\rho\alpha\upsilon\mu\alpha$ $\tau\iota$). На принимаемой Аристотелем связи вещи с практической деятельностью и усиливается совмещение не схватываемого в длении с непосредственно зафиксированным. Последствия такого альянса касаясь интересующих нас исторических фактов очевидны. Факты, относясь к вещам, или даже к познаваемым вещам, равно как и события, не теряющие привкус перипетий, окончательно "сливаются" в обобщающем понятии дела/действия/деятельности ($\epsilon\rho\upsilon\sigma\upsilon\nu$), понимаемого также как предмет/вещь, обстоятельство, произведение, обязанность. Отсюда следует деяние/дление, присущее существу, т.е. предметам и вещам, и событиям, и фактам. Дление деятельно и действительно, будучи непосредственно связано с логосом, - разумно (отсюда остается сделать шаг к "действительное = разумно"). "Со-бытийное" же течение всех вещей (а значит и фактов) в системе накопления/запоминания/воспоминания прошлого/прошедшего позволяет оперировать ощущениями, фактами и идеями, различные сочетания которых составляют первичную материю ума. Кантовская мысль помещает идею в факты, кои есть предметы, относящиеся к познаваемым вещам, и с этого момента идея получает право гнездиться не только в событии (как в (со-)бытии), но и в факте, "зараженном" длением, проистекающим из того же идеального источника. Так появляется возможность уже не чисто идеальное, но еще не чисто вещное течение/дление событий анализировать при помощи практически пригодных и существующих тем же образом (в связи с тем же источником) вещей-фактов. Тут или

"душа сопровождает вещи, мечется вместе с ними" [2, с. 647] в ходе их прохождения, или же проходящая вещь длится, лишь "относительно упраздняя время", потому как продлевается в духе (или идее), "стоящем над временем" [1, 2, с. 54-55]. При помощи вездесущего (про)дления/течения факты начинают походить на события - или как вещи, которые вращаются и несутся (т.е. движутся/текут) - в платоновском (пост-гераклитовском) видении; или же как предметы (Sachen) более поздней немецкой традиции, сохраняющие связь с течением/речением.

Связь фактов с сутью событий призвана иметь практическое применение в исторической науке; применимость, используемая в целях достижения или уклонения (от) какого-либо результата в ходе связного описания/объяснения, дает достаточное основание целевой точке зрения, которая "связана с фактами для доказательства" (Зиммель). Вопрос о том, содержится ли значащее за неповторимым обликом каждого факта и что именно проходит проверку на доказуемость, в рамках стратегии объяснения истории не актуализируется, полагаясь как разумеющееся. Значимость как атрибут факта, полагаемая в ходе выборки последнего из общего массива исторических данных или в ходе репродукции исторических процессов при помощи выбранных фактов, подразумевает событийное значимое как означаемое фактом-означающим. В такой схеме факт рас [104] сматривается как референт, хоть неясно гласящий, но определенно сообщающий что-то о том, с чем он связан "в единое целое" - т.е. об имевшем место и время событии.

Мы не намереваемся приступить к истории методов обращения к истории; также нет резона спрашивать о предмете историографии - случаях и/или законах, - потому как такой вопрос уже "в корне промахнулся" (Хайдеггер). Следует полагать, что реализуемая (И. Валлерстайном и др.) возможность рассматривать и идиографическую историю, и номотетическую социальную науку как единую интеллектуальную позицию зиждется, прежде всего, на утверждении идеографического характера исторических фактов. Событие, имеющее связанную с тем или иным процессом протяженность, способно инициировать историческое повествование, но вопрос о порождении того же рода повествования историческими фактами, имеющими лишь координаты во времени и пространстве, не решается однозначно. Ответ зависит от

того, насколько оправдано представление факта как идеограммы. Пока исторический факт мыслится как идеограмма, его идея остается неизменной, поскольку он выступает как знак, обусловленный соответствующим ему содержанием. Установлением "паритета" между событием и фактом историческая наука, соединяя сущность (событие) с категорией (фактом), получает возможность делать категорические утверждения относительно сущности изучаемых событий.

Из такой посылки рождается почтение к "упрямым фактам", которые необходимы и содержательны, т.е. "имеют" смысл также как события "имеют" факты в последствии себя. Но что представляет собой столь привлекательное упрямство фактов? Вопрос косвенно отсылает нас к "wie es eigentlich gewesen ist" Л. фон Ранке. Упрямство (Eigensinn) факта - это его собственное значение, смысл, толк в себе самом, разумность и само-бытность как обладание бытием; к тому же "собствование" нас отсылает и настоящий характер, подлинность (eigentlich), и свойственность/особенность (eigen). Продолжая выяснять причины смешивания/перевода факта в/с событие/событием, мы подходим к поднятому Хайдеггером вопросу о перепаде между бытием и сущим. Подмена бытия сущим, упор на платоновский корень $\epsilon\nu$ ($\epsilon\nu$), выражающий одновременно присутствие и власть в течении, посредство (соблазн опосредования), соответствие в отношении между, относит и привлекает друг к другу событие и факт, толкает факт во власть события. Возникающая исподволь в $\epsilon\rho\upsilon\nu$ (взаимная) обязанность факта и события порождает причинно-следственные отношения и доказательный характер "следовательно" (ergo), продолжающий "повсеместное" следование/существование сущего.

В связи с этим необходимо проанализировать хайдеггеровскую мысль, позволяющую нащупать стыки между Ereignis и всполохом/горением; между eignis и $\alpha\epsilon\nu\epsilon\nu\eta\varsigma$ (вечным, вечно возрождающимся); между eignen (годящимся, подходящим) и отзвуком пригодной для деятельности вещи (πραγμα)

2.

В трактовке Хайдеггера событие (das Ereignis) - "присвоение", "собрание", обращение "к себе"; в нем происходит и обособление, и простираение за свои пределы,

которое "покоится в присваивании" [5, с. 97]. Распространение события "за себя", отдаление, "возвращается" и упокаивается под взглядом присваивания; "в-себе-удержание.. позволяет ничто иное как уклонение (себя),... побег, уход", но "этот побег и уход должны принадлежать к собственному присвоению" [там же, с. 98-99]. Событие таким образом образует обособленную единичность в длительности/(про)длении своего бытия, однако единичность эта не абсолютна в виду/посредством "остановки", за-бытия себя.

Но если "бытие исчезает в событии-присваивании" [там же, с. 98], то значит ли это, что край бытия вмещается в события или размещается в максимальной близости от события/к событию, пролегает и пролагает себя у события? Уже собирание события обнажает границу/предел его бытия; граница же - как поясняет Хайдеггер - значит в исконном значении "собирания" и потому собирание события есть также посягательство на за-бытие. При-сваивание предполагает и вы-сваивание; "высваивающе-особляющее присваивание охраняет свою сердцевину от безудержного раскрытия" [там же, с. 99], и "тем" задерживая настоящее, событие утаивает себя "так", что происходит "простираение побывшего". Простираение происходит (с) тем, что побывало, утратило бытие и перестало при-сут(ь)ствовать; о бытии простирающегося можно говорить, у-помянув это бытие в прошедшем времени. Событие-присваивание и простираение "уже-более-не-настоящего" "в подлинном времени и его временном пространстве" [там же] "сходятся" на побеге/уходе, т.е. на у-бытии, грани исчезновения бытия, убитии/"убиении" события.

Сбегающее пользуется право не быть - из бытия события, т.е. из(с)-пользует направленность во вневременное (в "неподлинное" время и/- пространство), очерчивая пограничность события как бытия в исходе/выбеге события. Обособленность события, не могущего длить свое бытие и удерживать свой выбег бесконечно долго, избавляет себя побывшим, причем побывшее в не(подлинном) времени – [105] индикация свершившегося перехода от дления к пребыванию. Но т.к. "сущноститься означает длиться" [там же, с. 89], событие - в простираении/истирании себя, заметании своих следов "ненастоящим", сущностно от себя отличным и "себе-присваиванию"

чуждым, - выпадает не-сущими историческими фактами, осваивающими вне(без)время не-событийного измерения.

Наряду с длением события-присвоения, у-длинением его бытия в продолжительности и в по-длинном времени, мы намечаем ту примыкающую к самому событию не-по-длинную "область", где бытие уже исчезло и событие, исчерпав способность про-длиться, про-быть долее, "пребывает" уже не в своей свойности/особости, а в особости/особе факта. Строго говоря, не событие пребывает в не-по-длинном и событие не прибывает туда, - там располагается факт, претендующий на представление события в не(пост)событийном небытии. В измерении событийном, покоящемся на/в длительности, связь принадлежности к присваиванию события распространяется на выбег события - т.е. на его сбывание как переход к пребыванию. Само событие не может случиться; случается (его) остановка - про-ис(з)-шествие/про-исхождение события в факт, в котором событие "схватывается"; имеется в виду не схватывание события сознанием, но то "состояние", в котором событие схватилось подобно цементному раствору. В таком сравнении имеется в виду изменение "агрегатного состояния", его гибель как события и схватывание/скрепление в факте; связь события и факта не наблюдается, налицо лишь скрепа, крепь, но не с фактом, а в факте. Случай подобной "остановки"/отставки дления события есть та пропасть между "самой вещью" и ее формальным (фактическим) представлением, где удается про-пасть событию (вы-пасть фактом) и из(-за) которой восклицает факт. В точке "схватывания" событие выпадает из временной длительности (перестает времениться) и "уходит" фактом в иное измерение. В измерении фактическом - *как только* сбывается событие (т.е. его бытие-и-время исчерпывается) - (по)является факт, сбывающий ("с рук") то, что "связывает" его с событием. "Находится" мертвый факт "в-место" живого события; факт распростерт как убитый/у-бывший, превративший процесс рас-про-стирания и стерший свою связь с событием.

Упование исторического исследования на факт усматривает наличие уловимого сообщения между двумя измерениями. Интерпретация претендует на раскрытие сути длившегося в событийном измерении через прочтение факта-идеограммы, который должен сохранять/иметь неразрывную связь с уже оконченным (окончившим-

ся), долее/более не зреющим, но у/по-спевшим событием, прострившим себя в обоих измерениях/просторах. Выяснение "содержания" факта пытается удержать совместно оба измерения, т.е. со-держать эти измерения, со-вместить прошлое бытие события с настоящим небытием факта. От факта, который как все "индикации, показания,... символы имеет... формальную основоструктуру (про)явления" [6, с. 29], идеография требует соответствия событийному пребыванию. Однако факт, стоящий/установленный вне длительности, не может быть самим собой про-длен, ибо он сам по себе по-длин(ный); интерпретация создает "для" факта мнимую длительность, по аналогии взятую из измерения событийного и по "праву", предоставляемому со-держанием двух измерений. Тем самым создается "история" для факта, объяснимый и объясняющий исторический факт, потому как не объяснимое "извне" "событие... невозможно представить как... историческое событие" [7, S. 258].

3.

Событие-как-бытие не может, по прошествии (себя), "быть" иначе как в форме некоего инобытия (Гегель) - в памяти, в сознании. Такое (псевдо/ино)бытие *in menta* длит событие в поминании, которое "задним числом" якобы минует то, чего не миновать, т.е. его временность вплоть до гибели. Таким образом, уже свершенное/сбывшееся может за счет "бессмертия" в памятовании воз-обновляться во всяком обращении к нему. Однако есть ли это обращение к самому событию? Безусловно, нет. Даже предположив, что в памяти остается впечатление от непосредственно пережитого события, обращение затрагивает его след, выступающий как *was-приятие*, приемлемость прошлого/прошедшего всякий раз в актах сознания, имитирующих динамизм события. И если "непосредственное знание должно брать как факт" [1, 1, с. 191], то это не значит, что имеющиеся в наличии факты могут быть использованы как ответчики непосредственного знания, которые - как может показаться - представляют прошлое, т.е. "сущее, которое больше не налично" [6, с. 328].

Факты, при обращении к ним, узурпируют право представлять событие. С точки зрения линейной последовательности событие предшествует факту, предваряет его и тем самым может быть для факта пред-явлением, будучи в то же время симу-

лятивно "предъявлено" фактами, представлено. Предъявление завычено: событие не со-стоит в связи с фактом и факт не отстаивает событие, будучи всегда уже последствием, "пост-явлением", явью иного измерения. Другими словами, так как факты являются *по* окончании события, которое в эти факты "выпа [106] дает", то каждый факт - это *по*-явление, которое пред-является. Факт служит лицом и следом события, но сущностно отличаясь от последнего, он не следует за и не наследует событию.

Исторический факт - это исход события, его выбег в иное измерение; это упущение события, упущенная (в смысле "реализованная") возможность исхода, его отпущение/вы-падание в фактическое "пусть". Возможность вы-пасть для события фактом есть возможность не про-пасть; т.о. пасть в фактического "пусть", поглощающая временность события, укореняет напасть вне-временности факта. Факт как "пусть" пуст как констатация упущения события и - в виду своей смысловой пустоты - может являться вместилищем толкования как до-пустимого. Отмечаемая Хайдеггером принадлежность к событию присутствия размыкания и толкования [6, с. 376] вскрывает претензии толкования на *суть*ствование, т.е. на связь с сутью отсутствующего. В то же время размыкание прекращает дление события, его мыканье, спускаясь разом в факт, резюмирующий окончательную отомкнутость ("отмыкнутость") бывшего события. Прошедшее как "прежде предшествовавшее и теперь оставшееся" [там же, с. 378] о-стает(ся), т.е. ставит/о(по)-ставляет себя, в фактах-остатках, в-стает в них (т.е. прекращает свое дление, оставляя след). Событие, которое уже не налично, прекращает рас-ставленность своего дления/шествования и, размыкаясь, не проходит как присутствие, а сбывается [там же, с. 380], оставляя/упуская "себя" в фактической брошенности. В этом смысле можно говорить о "(про)шествовании" события в виду факта: событие выступает в своей недолговечности, переставая быть сущим в предстоящем факте. Тем самым событие предает свое "себя" в факте, становясь преданием; факт же остается не репрезентирующим предателем события, взыскующим придание смысла.

Идеографическая история ведет следствие (или идет по следу) - допрашивает "свидетелей событий" в уверенности, что факты свидетельствуют и запирающихся

надлежит разговорить. Однако при наличии пропасти между измерениями/просторами фактов и событий, факты не могут исполнять роль свидетелей - им не удалось "свидетельствовать" с событиями "в свое время" и они не в силах события добыть. У фактов нет своего времени, и потому они в состоянии лишь засвидетельствовать в своих показаниях (показах) факт свершенности события ("оно было"), не в силах оговорить сути события ("что было"). Факт может высказаться "по поводу" или о исходе события, но не может (вы)говорить что-либо о нем; оговор и приговор остаются (у)делом историка. Именно он, со-поставив факты, выносит заключение о "составе" состоявшегося, т.е. вводит некий код удержания массы фактов в корпусе (пред)положенной структуры. Состав прихода/п(е)ре-ступления (событием своего бытия или историком - грани измерений) оглашается повествованием (цепь - состав, Zug), которое уже само по себе - препятствие выявлению события [5, с. 101]. Повествование полагается на оставшееся/оставленное (от) события в надежде, что оно к событию приведет. Такая надежда ищет себе основания в самом составе, концептуальности составленного, позволяющей разбор с извлечением полезной информации.

Что касается фактов (этих) событий, то они уже и все "на этот момент и далее, и теперь вообще" подлежат равенству покойников. Любая ре-анимация события, выпавшего в факты, исторична, не инвариантна и превращается в порождение; в каком-то смысле история - вид некрофилии, классификации трупов с желанием облюбовать следы-останки. Попытки вос-создания по оста(т/н)кам характерные черты протекавшего некогда процесса приводят к интерпретации факта-идеограммы, т.е. к погребению самого факта под "выведенной из него" действительностью.

В качестве же задач можно выдвигать необходимость нахождения элементов коммуникации событийного и фактического измерений, не осуществляющих словую связь или понятийное с(за)мыкание событий и фактов, но позволяющих анализировать порядок их размежеваний.

Литература

1. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. В 3 тт. -М.: Мысль. -1974.
2. Платон Кратил // Соб. соч. в 4 тт. -М.: Мысль. -1990. -т. 1. С. 613-681.
3. Кант И. Критика способности суждения // Соч. в 6 тт. -М.: Мысль. -1966. -т. 5. -564 с. С. 161-527.

4. Гегель Г. Феноменология духа. Соч. т. IV. -М., -1959.
5. Хайдеггер М. Время и бытие // Разговор на проселочной дороге. -М.: Высшая школа. -1991. - 192 с. С. 80-101.
6. Хайдеггер М. Бытие и время. -М.: Ad Marginem. -1997. -451 с.
7. Heidegger M. Unterwegs zur Sprache. Tübingen. -1965.

[107]